

ЭБ

БИБЛИОГРАФІЯ.

Вѣче и Князь. Русское государственное устройство и управление, во времена князей — Рюриковичей.

Историч. очерки В. И. Сергѣевича.

Москва, 1867 г.

«Дѣльная, отчетливая, многосодержащая диссертация,» слова М. П. Погодина, въ его извѣстіи о книгѣ см. Русскій, № 1

Кто прочтетъ сочиненіе Г. Сергѣевича, не можетъ не повторить сдѣланнаго.... приговора. Но прибавимъ отъ себя, что эта диссертация до того дѣльна, что требуетъ отъ читателя стольже дѣльнаго, внимательнаго чтенія, — до того отчетлива, что въ самомъ читателѣ предполагаетъ отчетливое знакомство съ дѣломъ, — и, содержа много, написана со всевозможною сдержанностію, безъ всякихъ увлеченій. И не могъ онъ

дѣйствовать иначе среди шумливо
установившагося большинства, провоз-
гласившаго, что государство начинается
въ Россіи чуть-ли только не съ царя
Ивана Грознаго, и что до того въ Рос-
сіи почти исключительно господ-
ствовалъ безформенный, лишенный
образа полудикій какой-то родовой
быть, съ его произволомъ, угнетеніемъ,
игомъ рабства надъ страдательнымъ
населеніемъ русской земли. Г. Сергѣе-
вичъ говоритъ, въ своемъ сочиненіи,
о русскомъ государствѣ, при князьяхъ-
Рюриковичахъ,—стало, предполагаетъ
бытіе русскаго государства, съ момен-
та призванія князей въ Русь,—гово-
ритъ о качествѣ этого государства,
объ его составныхъ элементахъ-вѣщахъ,
народныхъ собраніяхъ, народѣ, и о
князьяхъ, правителяхъ, государяхъ,
говоритъ о древнѣйшемъ русскомъ госу-
дарственномъ устройствѣ и управленіи.
Принимая все это во вниманіе, подвер-
гнувши все это обсужденію въ приведен-
номъ, въ видѣ эпиграфа, мѣстѣ изъ

«Русскаго», Г. Погодинъ прямо утверждаетъ, что диссертация Г. Сергѣевича «общаетъ полезнаго дѣателя для русской исторіи.» Съ своей стороны, изучивши трудъ Г. Сергѣевича, мы должны сказать, что диссертация обличаетъ въ авторѣ будущаго ученаго доктора и ожидаемаго дѣльнаго профессора, по кафедрѣ русскаго государственнаго права. Диссертация вполне заслуживаетъ того, чтобы спеціалисты ознакомили съ нею нашу читающую и думающую публику, и возбудили въ ней желаніе прочесть эту дѣльную книгу, написанную прекраснымъ языкомъ, и изданную весьма изящно. Мы здѣсь постараемся дать о сочиненіи Г. Сергѣевича свой посильный отчетъ, преимущественно съ юридической точки зрѣнія, — отчетъ, тѣмъ болѣе умѣстный, что авторъ пишетъ не полную исторію русскаго государственнаго права, а только его «историческіе очерки,» хотя не блѣдные, но все таки отдѣльные, требующіе для себя общей рамки.

Исторія творится и совершается мыслями и дѣйствіями, намѣреніями и предпріятіями историческихъ дѣятелей; таже исторія создается и построяется въ науку изъ дѣйствій, съ ихъ пониманіемъ, и изъ событій, съ ихъ объясненіемъ, усиліями наблюдающаго пишущаго. Для дѣятеля первымъ моментомъ служитъ здѣсь мысль и намѣреніе; для бытописателя первымъ моментомъ служитъ дѣйствіе другаго и событіе. Въ этомъ отношеніи, современный событіямъ бытописатель, хронографъ, лѣтописецъ совершенно тоже, что въ наше время любой органъ гласности, — газета, вѣдомости, журналъ, съ естественнымъ, необходимымъ различіемъ, состоящимъ въ томъ, что органъ гласности нашего времени гораздо шире, гораздо объемистѣе понимаетъ свою задачу, и вноситъ на свои страницы почти всѣ явленія, почти всю злобу дня, тогда какъ древнѣйшіе лѣтописцы дорожили только событіями важными, имѣвшими

очевидное отношеніе къ судьбѣ цѣлаго учрежденія, общества, народа, государства. Различіе чисто количественное, по объему внѣшнее; по духу же, какъ теперь, такъ и тогда отъ этихъ органовъ гласности требовалось и требуется одного—осторожнаго обращенія съ словомъ, т. е. обдуманнаго, осмысленнаго воззрѣнія на событіе, и вѣрнаго, безпристрастнаго его изложенія, для чего необходима была тамъ, какъ необходима здѣсь, подготовка, образованіе, положеніе, способность, убѣжденіе, даже извѣстный идеалъ, или родъ общей основы, для опредѣленной оцѣнки дѣйствій и событій. И наши древніе лѣтописцы, какъ извѣстно, имѣли всѣ эти условія и способности, и счастливое для наблюдателя положеніе, и образованіе, и даже свой идеалъ. Впрочемъ, мы выразимся не точно, сказавъ, что у нашихъ лѣтописцевъ были свои идеалы, и не указавъ, что эти идеалы шли изъ Византіи, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что касалось самыхъ глав-

ныхъ важныхъ сторонъ была въ древней русской жизни, именно церкви и государства. Духовенство наше, родившее первыхъ нашихъ лѣтописцевъ, съ первыхъ дней своего появленія въ Россіи, и весьма долго потомъ, было напитано, образовано, наставлено и устроено, по византійскимъ образцамъ и примѣрамъ. Игуменъ и подчиненная ему братія въ монастырѣ, — священникъ съ властію и покорная ему паства въ приходѣ, — епископъ и князь, какъ истинная власть, въ удѣлѣ, — въ томъ же смыслѣ, митрополитъ и В. Князь, въ извѣстномъ княжествѣ, — какъ Патріархъ и Царь, въ Константинополѣ — все это было такъ правильно, вело къ такому порядку, къ такому благочинію, что русскіе лѣтописцы, говоря вообще, не могли не видѣть въ подобномъ устройствѣ Руси залоговъ для ея благосостоянія, равно какъ препятствій къ тому во всякомъ проявленіи народной самостоятельности. Прибавимъ, что, если въ наше время, гласность и ея

органы не остаются безъ вліянія на своихъ читателей, то, для времени древняго, нѣтъ сомнѣнія, лѣтописи служили преимущественными двигателями помысловъ и надеждъ для своихъ немногихъ, но избранныхъ почитателей,— для духовныхъ властей, равно какъ для мыслящихъ, образованныхъ князей и ихъ совѣтниковъ. Особенно, если принять во вниманіе, что даже въ наше время, читая лѣтописи, и придерживаясь сочувствій лѣтописцевъ, мы невольно ищемъ въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи господства для личнаго княжескаго вліянія, и тамъ, гдѣ не встрѣчаемъ его, готовы отрицать самое государственное начало. Но дѣло въ томъ, что въ исторіи еще должны быть приняты во вниманіе сами дѣятели, съ ихъ мыслями, намѣреніями, желаніями, чаяніями, и что исторія не есть только повѣствованіе о жизни, но сама жизнь, въ ея развитіи. Исторія сначала творится, а потомъ уже пишется.

Въ этомъ отношеніи, сочиненіе Г.

Сергѣевича построено на весьма твердой почвѣ. На основаніи изученія лѣтописи, авторъ добирается до народа, и его быта, и вноситъ въ свое изслѣдованіе не одну рефлексію, или воззрѣніе бытописателя, хронографа, но и непосредственную силу и волю народа, такъ же творившую нашу древнюю исторію. Не все то было вѣрнымъ, и не одно то было вѣрнымъ для Руси древнѣйшаго періода, что признавалъ, исповѣдывалъ и проповѣдывалъ современный событіямъ лѣтописецъ; были воззрѣнія, убѣжденія, вѣрованія и чаянія у самаго населенія, и нельзя историку не принять ихъ въ расчетъ. Только такимъ образомъ возрастаетъ, со временемъ, достовѣрность историческая,—только такимъ образомъ дополняется лѣтопись, а иногда исправляется. Тѣмъ болѣе, что нашъ авторъ приступилъ къ изученію, владѣя настоящей юридической подготовкой, во всеоружіи современной науки права, которая говоритъ, что государство мо-

жетъ имѣть не одну византійскую, или другую какую форму, а разные виды, и что проявленіе верховной власти можетъ быть и не въ образахъ однихъ Царей Грозныхъ.

И такъ правъ былъ Карамзинъ, давши своему великому труду, съ самаго призванія въ Русь варяжскихъ князей, назнаніе «исторіи государства російскаго,» и правы были всѣ тѣ, кто держался этого воззрѣнія на русскую исторію, и право было настоящее поколѣніе русскаго народа, торжествовавшее тысячелѣтній юбилей русскаго государства на другой годъ, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго ига. Дѣйствительно; что нужно, для составленія понятія о государствѣ, и что требуется, въ исторіи, для существованія государства? Обыкновенно, въ теоріяхъ, вычисляются при этомъ слѣдующія три условія: существованіе земли, такъ называемой государственной территоріи, — присутствіе населенія, лицъ, или народа, — и воплощеніе, въ

странѣ, или проявленіе и дѣйствіе
 верховной власти. Конечно, зная, что
 государство есть правовое, юридиче-
 ское учрежденіе, существующее для
 признанія и огражденія, для развитія
 и дальнѣйшаго построенія права, мы
 такъ же знаемъ, что названныя усло-
 вія должны имѣть особое, юридическое
 построеніе для того, чтобы дать бытіе
 государству, вызвать его и родить.
 Какъ правовое учрежденіе, государство
 до своего появленія уже предполагаетъ
 существованіе правъ въ странѣ и въ
 народѣ. Гдѣ правъ еще нѣтъ, тамъ не
 можетъ возникнуть государство, и на-
 оборотъ, гдѣ права болѣе, или менѣе
 развились, тамъ появится государство,
 въ силу необходимости, какъ высшее
 освященіе всякаго права. Народъ, или
 общество, въ этомъ смыслѣ, въ отли-
 чіе отъ государства, призванъ къ тому,
 чтобы созидать и творить весь мате-
 ріалъ права, или все вещество права,
 какъ имущественнаго, такъ и личнаго,
 общественнаго, соціальнаго, ожидая

отъ государства освященія, или санкціи права, — провозглашенія началъ права, или ихъ формулированія, и приведенія ихъ въ дѣйствіе, въ исполненіе, въ осуществленіе. Это отношеніе народа къ государству необходимо въ государствѣ, уже состоявшемся, но такъ же точно необходимо оно для образованія государства изъ названныхъ нами элементовъ.

Поэтому условія для бытія государства сами должны имѣть извѣстные, техническія качества для того, чтобы государство возникло въ странѣ. Начнемъ съ земли, и покажемъ, чѣмъ она должна быть и содѣлаться тамъ, гдѣ становится условіемъ для бытія государства. Ужъ конечно, не просто стихіею, частію земнаго шара, какъ бы велика, или мала ни была эта часть, да и не простымъ фактомъ, предметомъ, напр. почвою, на которой держатся и живутъ люди, лица, населеніе. Иначе и у номадовъ отыщемъ землю, сквозь которую они не проваливаются,

и у кочевниковъ признаемъ почву, отъ которой они питаются, и такимъ образомъ у дикихъ племенъ откроемъ хоть это одно условіе для государственной жизни. Между тѣмъ исторія постоянно твердить, что только осѣдлые народы давали бытіе, начало государствамъ, Ассиріане, Вавилоняне, Персы, Аѳиняне, и т. д. Это ученіе исторіи объ осѣдлыхъ народахъ имѣетъ свой смыслъ; а потому земля, въ значеніи условія для государства, должна имѣть особое качество не просто предмета, а юридическаго установленія. Иначе неизбежно явится вопросъ о размѣрѣ и величинѣ земли, въ томъ случаѣ, когда на ней должно появиться государство, подобно тому, какъ до нашего времени спрашиваютъ, какъ велико должно быть населеніе, или какъ велико должно быть число головъ, для того, чтобы создать государство. Вопросы неразрѣшимые потому, что не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу. Идея не измѣряется ни верстами, или милями,

ни числомъ, или ревизіею. Знаемъ же мы изъ исторіи, какъ не большія, но славныя государства Финикій, Іудей, Спарты, такъ и громадныя, но не столь блестящія государства Ассиріи, Персіи Турціи. Итакъ земля не сама-по себѣ составляетъ элементъ государства и его условіе. Для этого земля должна принадлежать народу, среди котораго возникаетъ верховная власть и государство, — должна содѣлаться и быть принадлежностію, или предметомъ права для народа, — должна быть его землею, его областію, волостію. По этому Словене, Кривичи и другія племена, призывавшія въ Русь князей варяжскихъ, говорятъ имъ прежде всего: «земля наша,» и, для показанія, что эта ихъ земля дѣйствительно занята ими, и состоитъ въ ихъ дѣйствительномъ владѣніи, пользованіи, обладаніи, прибавляютъ, что эта ихъ земля «велика и обильна». А выраженіе «земля наша» замѣняетъ собою перечисленіе возможныхъ имуществъ, и обозначаетъ

всю массу имущественныхъ правъ, все количество вещныхъ правъ, всю сферу частнаго, или имущественнаго, гражданскаго права, съ его владѣніемъ и собственностію, съ его владѣніемъ и собственностію частною и личною, общою и общинною, общественною и всенародною, и со всѣми правами распоряженія имуществомъ и господствомъ надъ имуществомъ. Выраженіе «земля наша» означаетъ, что въ Руси того времени уже существовала извѣстная система частнаго права, которая требовала государственной власти для своего освященія, для своей охраны, равно какъ для своего дальнѣйшаго развитія, посредствомъ законодательства, суда, юридическихъ признанныхъ обычаевъ и практики. Съ другой стороны выраженіе «земля наша» означаетъ, что вся земля принадлежитъ всему народу, который по этому требуетъ также присутствія государственной власти, для защиты, охраны и дальнѣйшаго распространенія своего поземель-

наго господства, а также ищетъ вожда, водителя въ битвахъ, князя на острастку сосѣдей, и на борьбу съ ними, равно какъ ищетъ личнаго представителя своей народной территориальной власти, для устройства общаго порядка на всемъ возможномъ для народа пространствѣ владѣнія, или на всей «нашей, т. е. русской землѣ.» Послѣ этого понятно, почему приглашеніе Словенъ, Кривичей и т. п. выразилось въ формулѣ: «пріидите княжить, володѣть, судить по праву.»

Только въ томъ случаѣ, когда земля содѣлалась такимъ объектомъ права для народа, она входитъ въ государство, какъ его элементъ и какъ условіе, какъ его вопросъ и какъ задача для власти законодательной, исполнительной, судебной; все впрочемъ равно, будетъ ли эта земля составлять необъятное съ богатою почвою пространство Китая или незамѣтный клочекъ безплодной поморской полосы Финикіи, Австрію или кантоны Швейцаріи. Тоже

должно имѣть въ виду, говоря о народѣ, какъ элементѣ, или условіи, для бытія государства.

Выраженіе :народъ—имѣетъ здѣсь техническое значеніе. Народъ не есть просто населеніе, повѣстное число и количество головъ или лицъ, субъектовъ, недѣлимыхъ; народъ есть идеальное единство населенія или лицъ, — единство, обособленное, опредѣленное, или условленное во внѣшности, предѣлами его земли, а внутри извѣстною общностію, или единствомъ свойствъ, населенія и моральныхъ его началъ, убѣжденій, вѣрованій, принциповъ. Народъ, пріобрѣтатель и владѣтель своей земли, есть лицо, хотя отвлеченное, такъ называемое юридическое, но съ полнотою возможныхъ правъ вещныхъ, или имущественныхъ, съ полнотою правъ на свою землю, откуда образовались въ языкахъ нѣмецкомъ и русскомъ выраженія для самыхъ государствъ, подобныя слѣдующимъ: Deutschland, Holland, Grichenland, Rus-

sland, или, по русски, нѣмецкая земля, французская, англійская и т. п. Народъ, имѣющій свои особенности въ умѣ и характерѣ, и свои особенныя вѣрованія, воззрѣнія, убѣжденія, есть личность, одаренная особою духовною фizioномією, которую кладетъ онъ, какъ печать и знакъ принадлежности, на все свое и на каждого изъ своихъ членовъ, родится ли этотъ членъ отъ народа, и среди народа, или будетъ принятъ и приобщенъ къ народу. Народъ получаетъ власть надъ своими сочленами, потому что въ этомъ народѣ предполагается и присутствуетъ власть и право имѣть свои духовныя особенности, сохранять ихъ во всѣ вѣка, расширять ихъ на всѣ поколѣнія, во времени, и на всю свою землю, въ пространствѣ. Какъ лицо, народъ имѣетъ право вѣчнаго приобрѣтенія и разширенія своей земли; какъ личность, народъ имѣетъ право вѣчнаго развитія своихъ началъ, вѣчной пропаганды. Это великій законъ національностей, только дурно понятый

въ наше время, особенно въ Россіи, гдѣ подѣ словомъ національности, часто разумѣютъ всякую мѣстную особенность. тогда какъ слово: національность, и въ тѣхъ языкахъ, откуда мы напрасно его заняли, происходя отъ латинскаго natio, народъ, должно означать особенность цѣлаго народа и его духовную личность. Развиваясь по направленію, или по требованію своей національности, народъ прежде всего требуетъ дѣятельныхъ и сильныхъ средствъ къ осуществленію всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ этой національности, и особенно къ осуществленію такихъ принциповъ, или къ сообщенію господства, владычества и обязательной силы такимъ принципамъ, какъ его вѣра, языкъ, убѣжденія въ правотѣ и разумности человѣческихъ отношеній, вообще въ правѣ. И тутъ-то чувствуетъ народъ нужду въ особомъ, дѣятельномъ, энергическомъ строѣ, или устройствѣ, въ организаціи своей жизни,—въ государствѣ, съ его вер-

ховною властію, съ его законодательствомъ, съ его судомъ и могуществомъ все преслѣдовать, все карать, вести войны, давать битвы.

И, конечно, Словене, Кривичи и другія племена древней Руси были уже въ обладаніи духовными условіями для народнаго единенія, когда рѣшались обратиться и обратились къ варяжскимъ князьямъ съ своимъ историческимъ приглашеніемъ, тѣмъ болѣе, что онѣ матеріально были слабы, по мѣстамъ, принужденные платить дань чуждымъ племенамъ, Козарамъ, Варягамъ. Обратились эти племена къ варяжскимъ князьямъ, вѣроятно, обдумавши неудобства, сопряженныя съ существованіемъ туземныхъ, но отдѣльныхъ князей у Словенъ, у Кривичей, у Чуди, или одного общаго своего князя, но избираемаго по-очередно изъ Словенъ, Кривичей, Чуди и т. д.,—обратились къ варяжскимъ князьямъ, не какъ отдѣльнымъ лицамъ, но, согласно собственному народному единству, при множествѣ

лицъ, какъ цѣлому княжеству роду и владѣтельному дому,—и обратились именно съ просьбою о водвореніи у нихъ верховной государственной власти; пріидите, говорятъ они, «княжить нами и володѣть, и судить по праву.» Замѣчу кстати, что мы напрасно привыкли повторять эту фразу по одному тому чтенію, гдѣ сказано «княжить и володѣть нами,» тогда какъ есть другія, кажется, болѣе правильныя, гдѣ говорится: пріидите княжить и володѣть, безъ прибавленія слова: нами, или гдѣ, вмѣсто нами, стоитъ: у насъ, или наконецъ, гдѣ сказано: княжить нами, а не володѣть нами. Случайность, или особое намѣреніе были причиною предпочтенія обычной фразы вариантамъ, но не должно оставлять это безъ оговорки по тому значенію, которое иные писатели сообщали впослѣдствіи лѣтописному выраженію: володѣть нами. Призывавшіе варяжскихъ князей представляли народъ, готовый къ созданію у себя государства, и потому

могли относить къ себѣ и къ народу только выраженіе: *княжить*, предоставляя князьямъ право *володѣть* лишь землею.

Изъ сказаннаго выходитъ, что, по прибытіи призванныхъ въ Русь варяжскихъ князей, стали въ странѣ существовать всѣ три условія для созданія государства, и земля и народъ и наконецъ княжеская, верховная власть, и что это созданіе, или зданіе заложено усиліями, дѣятельностію, волею народа, который землю освоилъ, себя объединилъ и верховную власть вызвалъ къ бытію, къ дѣятельности, и даже къ опредѣленному дѣлу—*володѣть* землею,—*княжить*, править и предводительствовать народомъ и судить дѣла, по праву. Государство русское, обязанное народу своимъ происхожденіемъ, съ этого момента должно начинать свою исторію. Мы даже знаемъ свойство этого государства, въ его первоначальномъ строѣ,—знаемъ то, каково было это древнѣйшее государство, и чѣмъ оно было,

каково было его устройство и управленіе, состоя изъ вѣча и князя, изъ народныхъ собраній и верховной власти, изъ народа и правительства, или государства. Поэтому мы не вполне согласны съ тѣмъ выраженіемъ автора, которымъ открывается его разсужденіе: «народъ и князь суть два одинаково существенныхъ элемента древне-русскаго общественнаго быта.» Не вполне — потому что авторъ, какъ будто, дѣлаетъ здѣсь уступку своимъ противникамъ, говоря при этомъ только о бытѣ общественномъ, а не государственномъ; — потому что авторъ относитъ такіе государственные элементы, какъ народъ и князь, повидимому, только къ русскому древнему быту; — потому наконецъ, что, не высказываясь здѣсь, въ самомъ началѣ разсужденія, прямо и открыто въ пользу убѣжденія въ существованіи государства, въ древнѣйшей Руси, авторъ самъ подаетъ поводъ къ сомнѣнію въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи свойства качества и устройства этого древ-

нѣйшаго русскаго государства, и, не оговоривъ возможнаго, въ этомъ смыслѣ, сомнѣнія, самъ порождаетъ возраженіе противъ своихъ положеній, воззрѣній и выводовъ. Такъ напримѣръ: если земля, народъ и государство могутъ составить государство только въ случаѣ, когда земля представляется предметомъ народнаго господства, народъ лицомъ и личностію, единою по связующимъ населеніе началамъ, или принципамъ, а князь, в. князь, или государь—воплощеніемъ верховной власти въ странѣ, т. е. на всей землѣ и во всемъ народѣ: то необходимо, для составленія государства, чтобы земля дѣйствительно была единою, народъ—единымъ и верховная власть обнаруживала себя, или являлась дѣйствительно верховною, т. е. такъ же единою, самой высшею, въ странѣ, всеобщею, всеобъемлющею. Такъ ли было въ древнѣйшей Руси? Таковы ли были ея земли, раздѣленные между разными племенами, Словенами, Кривичами, Полянами, Сѣверянами,

Древлянами и т. д. Таковъ ли былъ народъ, съ его мѣстными народными собраніями и вѣчами, разбросанными по всеѣмъ городамъ и пригородамъ, отъ Новгорода до Смоленска и Кіева, и отъ Пскова до Ростова, Владиміра и Суздаля, и т. д? И таково ли было положеніе князей, въ Руси, имѣвшихъ господство по удѣламъ, по городамъ, областямъ, по уголкамъ, но не во всей русской землѣ? Эти вопросы должно было напередъ порѣшить, тѣмъ болѣе, что они, очевидно, основаны на недоразумѣніи и заимствуютъ кажущуюся силу возраженій изъ области не юридической, изъ сферы видимой, матеріальной, вещественной. Такъ, рассматривая географическую карту древнѣйшей русской земли, и видя ея раздробленность между разными племенами, областями и городами, забываютъ прѣе ея народное, идеальное, юридическое единство, по которому даже земля, разбитая на клочки личной собственности, или сельско общиннаго владѣнія, все таки необхо-

димо признается землею народа, всего
 и единого народа, стяжавшаго или
 приобрѣтшаго эту землю, и сохраняю-
 щаго ее для настоящаго и для буду-
 щихъ поколѣній. Съ своей стороны,
 народъ, жившій, повидимому, или, въ
 смыслѣ географическомъ, разрозненно,
 по волостямъ, областямъ, въ послѣдствіи
 по княжествамъ и удѣламъ, никогда
 въ дѣйствительности не переставалъ
 сознавать и чувствовать свое внутрен-
 нее единство, по языку, вѣрѣ, быту,
 семейному и общественному, и, управ-
 ляясь помѣстными, одно отъ другаго
 независимыми вѣчами, подобно древ-
 нему населенію Греціи, Италіи, Герма-
 ніи, или современнымъ швейцарскимъ
 кантонамъ, американскимъ штатамъ,
 постоянно имѣлъ общіе интересы все-
 народныя нужды, и общія начала, вы-
 зывавшіе его, по временамъ, къ общимъ,
 всенароднымъ предпріятіямъ. Наконецъ
 извѣстно, что русскіе князья, самосто-
 ятельные правители въ своихъ облас-
 тяхъ, имѣли по идеѣ недробимости вер-

ховной власти, общія дѣла и общія заботы на пользу всей, или цѣлой русской земли, для чего составляли княжескіе съѣзды и всѣ вмѣстѣ, не смотря на все свое множество, представляли т. е. были живыми представителями единой, всенародной, всеобъемлющей верховной власти, въ русской землѣ. Не было, не бывало въ древней Руси всенародныхъ вѣчъ, или, народного государственнаго правленія; но потому-то было признано необходимымъ пригласить въ Русь князей варяжскихъ, которые бы, при многочисленности на съѣздахъ, или при посредствѣ съѣздовъ, а, въ случаѣ единства, одиночества князя, въ формѣ единовластія, представляли и осуществляли всенародные интересы и служили органомъ всенароднаго общаго, государственнаго русскаго устройства и управленія. Эти положенія должно было автору развить и доказать, для того, чтобы дать читателю ключъ къ уразумѣнію послѣдующаго изложенія; но авторъ пред-

почелъ предоставить читателю самому сдѣлать это въ формѣ вывода изъ собранныхъ объясненныхъ и доказанныхъ въ диссертациі фактовъ (дѣлъ). Впрочемъ въ тезисахъ или положеніяхъ, присоединенныхъ къ диссертациі, авторъ самъ дѣлаетъ нѣсколько общихъ выводовъ, къ которымъ теперь и обратимся.

Во второмъ изъ тезисовъ, или, пожалуй, выводовъ, дѣлаемыхъ самимъ авторомъ изъ его сочиненія, г. Сергѣевичъ утверждаетъ, что вѣче было нормою общественной жизни для древней Россіи до конца XIII в., а въ третьемъ тезисѣ указываетъ на основаніе, или причину всеобщности и необходимости вѣча въ Россіи. По духу и цѣли своего разсужденія, написаннаго частію для полученія степени магистра по государственному праву, авторъ говоритъ о вѣчѣ, какъ государственномъ учрежденіи, и, въ этомъ же смыслѣ принимаетъ древнее вѣче М. П. Погодинъ въ его «Русскомъ», возра-

жая тамъ автору противъ нѣкоторыхъ его положеній. Но было ли вѣче древней Руси только учрежденіемъ государственнымъ? Не имѣло ли оно болѣе общаго значенія въ быту русскаго народа? Не слѣдуетъ ли, для разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ относительно вѣча, какъ спеціальнаго, государственнаго учрежденія, напередъ предложить общій вопросъ: что такое вѣче? Изложимъ вкратцѣ возраженія М. П. Погодина. «Смѣю думать, говорить онъ по случаю диспута, что спорившіе не обратили вниманія на главный вопросъ: было ли у насъ вѣче постоянною, необходимою формою правленія?» На этотъ вопросъ М. П. Погодинъ даетъ, по видимому, отрицательный отвѣтъ, слѣдовательно совершенно уничтожающій, вышеприведенные тезисы г. Сергѣевича, а съ тѣмъ вмѣстѣ и существенное содержаніе диссертациі. При этомъ оппонентъ нашего автора говоритъ, 1, что вѣче было «только обычай», случайно, «по

обстоятельствамъ, приводившійся въ исполненіе; «въ правленіе многихъ князей, о вѣчахъ не было помину; 2, что «вѣча являлись только, въ случаѣ нужды, безъ князя, или когда князь считалъ нужнымъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ;»—и 3, что «этого права не искали даже люди,—вѣче, такъ сказать, подразумѣвалось, было присуще, когда нужда приходила.»—Споръ, возбуждаемый такимъ образомъ, очевидно, идетъ о вѣчѣ, въ его исключительно-политическомъ значеніи, и въ смыслѣ постоянной и необходимой формы правленія, какъ говоритъ М. П. Погодинъ. Въ правленіе многихъ князей о вѣчѣ не было помину, доказываетъ г. Погодинъ и въ то же время говоритъ, что вѣче, какъ бы, повсюду подразумѣвалось и всему было присуще,—являлось, какъ бы, тотчасъ, по требованію обстоятельствъ,—по нуждѣ населенія, въ отсутствіе князя, или, по вызову князя,—и что вѣче было обычаемъ, который при нуждѣ становился дѣй-

ствующимъ, или приводился въ исполненіе. — Вѣче, судя по этимъ словамъ, было въ народномъ быту тоже, что скрытая теплота въ предметахъ физическаго міра, или что жизнь и жизненная сила въ организмѣ, которой то, или другое проявленіе вызывается обстоятельствами, но которая всегда и во всемъ присуща организму. Другими словами, помимо политическаго, государственнаго значенія, вѣче въ древней Руси должно было имѣть еще смыслъ общаго, народнаго учрежденія, дѣйствовавшаго не для однихъ политическихъ цѣлей, — не для одного призванія, или удаленія князей, — не для одного рѣшенія вопросовъ о войнѣ и мирѣ, но для всего русскаго народа, строя и общественнаго народнаго быта. Вѣче напр. вызвало князей Варяжскихъ въ Русь; но, естественно, что оно существовало до прихода князей, равно какъ и при нихъ, и, если въ ихъ бытность въ Руси, обнаруживало себя такъ, или иначе, по поводу новыхъ

отношеній въ народѣ, — отношеній населенія къ князьямъ, то тѣмъ не менѣе оставалось при дѣятельности обычной, изстаринной, усвоенной ему собственными народными отношеніями, касавшимися исключительно населенія, — одного населенія, — только населенія, безъ участія князя. И въ этомъ смыслѣ вѣче было и обычаемъ народа и присущимъ всякому населенію въ Руси, и могло тотчасъ и повсюду явиться, по нуждамъ ли населенія, или по требованію князя. Что же такое было вѣче, въ значеніи общаго, народнаго обычая, или общаго народнаго учрежденія? То было народное собраніе, — народное сходбище, — но, конечно, уже по самому названію сходбища, не всенародное собраніе, а стеченіе и собраніе населенія извѣстной мѣстности, — области, или волости, — города, или пригорода, — даже общины сельской, что въ нашихъ современныхъ селахъ и волостяхъ называется теперь мірскимъ сходомъ, и что встарину, въ

большихъ многочисленныхъ общинахъ,
 называлось вѣчемъ, отъ слова: вѣщать,
 оповѣщать, созывать, хоть напр. ко-
 локольнымъ звономъ. Современные
 сельскіе сходы необходимо предпола-
 гать состоящими въ кровной связи съ
 древними вѣчами, и наоборотъ, не дол-
 жно вообще въ вѣчахъ древности видѣть
 что-нибудь особенное, только древности,
 или извѣстной мѣстности свойствен-
 ное установленіе. Вѣче, въ этомъ
 общемъ своемъ значеніи, было искони
 и повсюду до нашего времени обще-
 русскимъ общенароднымъ учрежденіемъ
 какимъ оно, въ народномъ духѣ, есть
 и будетъ. Это свойство русскаго на-
 роднаго быта. Говоря о временахъ дре-
 внѣйшихъ, и именно о моментѣ приз-
 ванія варяжскихъ князей, или устано-
 вленія государства въ Руси, мы дока-
 зывали, что населенія того времени
 должны были имѣть извѣстныя духов-
 ныя начала и юридическія убѣжденія,
 вѣрованія, воззрѣнія, въ формѣ хоть
 обычаевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ должны

были составлять изъ себя извѣстные юридическія организаціи, напр. для суда и управленія. Понятно, что уже въ эти отдаленнѣйшія времена, въ Руси существовала извѣстная форма, система устройства и управленія, что въ ней были уже извѣстные органы этого устройства и управленія, десятскіе, сотскіе, тысяцкіе, посадники и т. п., и наконецъ, что, по духу русскаго народа и по необходимости тогдашняго исключительно народнаго управленія, эти органы власти были избирательные, были избираемы, и, конечно, на сходахъ и вѣчахъ, на этихъ народныхъ сходахъ, сборищахъ и собраніяхъ. Эти общія вѣча служили подпочвою для образованія политическихъ собраній, или вѣчъ, въ тѣсномъ смыслѣ, о которыхъ говорятъ лѣтописи, — разсуждаетъ въ своемъ сочиненіи Г. Сергѣевичъ и его оппонентъ М. П. Погодинъ, — подпочвою, обладавшею такою растительною силою, что отъ нея вѣча спеціальныя или политическія сами дѣ-

лались народнымъ обычаемъ, всюду
 присущимъ, безспорнымъ, такъ что лю-
 ди не искали его, какъ особаго права.
 Этого мало; думаю, что самое устрой-
 ство вѣчъ политическихъ можно выве-
 сти изъ свойства общихъ вѣчъ и даже
 современныхъ сходовъ, разбирая тѣ
 и другія по вопросамъ: 1, о составѣ схо-
 да и вѣча, 2, о предметахъ вѣдомства,
 3, о способѣ рѣшеній, или принципѣ
 вѣчевыхъ приговоровъ и 4, объ отно-
 шеніи вѣча, какъ народнаго собранія,
 къ властямъ исполнительнымъ. Не надо
 забывать, или лучше, должно сознаться
 и помнить, что древняя русская исто-
 рія есть исторія здраваго смысла, не-
 умолимой, но простой и всякому оче-
 видной логики, и потому крѣпкой, по-
 стоянной воли, чему соотвѣтствуетъ
 безыскусственный и для всѣхъ дос-
 тупный языкъ лѣтописи,—простой и
 для всѣхъ понятный взглядъ лѣтописца
 на событія,—отсутствіе въ сказаніяхъ
 и подобныхъ сочиненіяхъ отвлечен-
 ныхъ, хитрыхъ, заморскихъ теорій,

такъ что и простой народъ доселѣ имѣетъ возможность понимать всѣ источники нашей древней исторіи. Простота же и логичность этой исторіи, не смущенныя въ быту простаго народа даже до нашего времени, не смотря на всѣ нововведенія въ верхнихъ ярусахъ государственнаго зданія, даютъ всѣмъ и каждому, а тѣмъ болѣе специалистамъ наблюдателямъ и издателямъ народной русской старины, всѣ средства и всю возможность находить аналогію между народными учрежденіями древности и между явленіями народнаго настоящаго общественнаго быта.—И такъ, что можемъ мы знать теперь о составѣ древнѣйшаго вѣча? Припоминая начало народнаго единства,—слѣдуя здравой логикѣ,—и принимая во вниманіе современный общественный бытъ, мы можемъ сказать, что на вѣчахъ участвовало все населеніе мѣстности, безъ различія въ званіи бояръ, гостей, купцовъ, селянъ, простолюдиновъ, слѣдовательно вообще

всѣ, кто носилъ названіе мужа, т. е. свободнаго мушны и мушны, взросло-
 слаго, да, вѣроятно, способнаго носить оружіе. По этому, говоря вообще, не могли имѣть голоса на вѣчѣ ни женщины, ни дѣти, ни рабы, ни духовные, поставленные въ санъ монашескій или священно-служительскій лица. — Чѣмъ занимались народныя собранія, или вѣча? Понятно, что, будучи собраніями всего населенія, вѣча имѣли и постоянно удерживали за собою власть распорядительную, или такъ сказать, установительную, учредительную, даже законодательную, но не могли управлять или пользоваться исполнительною властью. Вѣча могли постановить приговоръ, предоставляя выполненіе его особымъ отдѣльнымъ лицамъ, или органамъ. Для этого вѣча преимущественно были заняты производствомъ выборовъ, и, всѣ избранія совершались на вѣчахъ, какъ нынѣ на сходахъ. Избравши исполнительные органы и лица, да преподавши имъ свои приговоры и рѣ-

шенія, вѣча расходились до наступле-
 нія обстоятельствъ и нуждъ, которыя
 одѣлають новый сходъ населенія не-
 обходимымъ. — Какой принципъ, или
 законъ и обычай господствовали въ
 рѣшеніяхъ вѣча? Уже изъ состава вѣча,
 вообще опредѣляемаго общенароднымъ
 единствомъ, ясно открывается, что на
 немъ господствовалъ принципъ един-
 ства или единогласія, которое могло
 быть замѣнено только громаднымъ
 большинствомъ; большинство же абсо-
 лютное, или относительное, гдѣ на
 сторонѣ или однимъ человѣкомъ больше,
 или гдѣ большинство опредѣляется
 цифрами, дробями, $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$ и т. д.
 было встарину, какъ и теперь, по-
 чисто народнымъ, чисто русскимъ
 убѣжденіямъ, при отсутствіи сторон-
 няго вліянія непонятнымъ, не спра-
 ведливымъ. — Въ какомъ отношеніи со-
 стояли вѣча къ властямъ предохра-
 щимъ? Такъ какъ всѣ эти власти были
 избираемы на вѣчахъ отъ народа, а
 вѣча были народною властію, то отно-

шеніе вѣча къ другимъ властямъ было отношеніемъ одной народной власти къ другой такъ же народной власти, надобно нашимъ современнымъ городскимъ думамъ, въ столицахъ, и земскимъ собраніямъ, по губерніямъ и уѣздамъ, но съ различіемъ въ предержащихъ властяхъ и въ томъ, что въ древности не было извѣстно и не существовало особыхъ «положеній о земскихъ, или городскихъ учрежденіяхъ», и столкованія между властями рѣшались такъ же взаимнымъ ихъ соглашеніемъ, взаимными уступками, или борьбою, какъ и столкновенія между участвовавшими на вѣчахъ.—Вотъ общее значеніе русскаго вѣча, которое, надѣмся, облегчитъ рѣшеніе вопроса о вѣчахъ, по сочиненію: «Вѣче и Князь,» и будетъ содѣйствовать убѣжденію въ справедливости положеній нашего автора о вѣчахъ и князьяхъ, да и о всемъ устройствѣ древнѣйшаго русскаго государства. Перейдемъ теперь къ изложенію разбираемаго сочиненія, дер-

жась преимущественно устройства, и начиная его съ вѣча, какъ политическаго, государственнаго учрежденія.

По заявленномъ выше свойству нашихъ древнихъ лѣтописей, извѣстіе болѣе, или менѣе полное о такомъ вѣчѣ встрѣчается только въ одномъ мѣстѣ, — только одинъ разъ, во всѣ столѣтія, — только по поводу одного событія, выбора одного князя изъ числа нѣсколькихъ претендентовъ, въ одномъ городѣ, подъ годомъ 1176, въ слѣдующихъ словахъ: «Новгородцы изначала, т. е. съ самаго начала, искони, постоянно, и Смоленяне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти, т. е. всѣ области, или жители всѣхъ областей, яко же на думу, т. е. какъ на общій совѣтъ, на вѣче сходятся; на чтоже старшіи сдумаютъ, на томъ же пригрозды, т. е. младшіе, или зависимые города, станутъ. — Въ этомъ извѣстіи, очевидно, выражены и принадлежность вѣча къ чисто-народнымъ учрежденіямъ и всеобщность вѣча для всѣхъ облас-

тей Руси, и постоянная ихъ дѣятельность, искони, изначала, и законное существованіе вѣчъ, на которыя сходятся жители для думы о дѣлахъ общихъ, теперь, по случаю призванія и признанія князя, и частію формы производства, по обычаю: на что старѣйшіе города сдумаютъ, на томъ пригороды станутъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что лѣтописецъ разсматриваетъ послѣднее обстоятельство, только какъ обычай, и притомъ случайный, вполнѣ зависящій отъ воли пригорода, вовсе не возстаетъ на жителей пригорода Владимира и не порицаетъ ихъ за то, что, въ описываемомъ случаѣ, они не подчинились распоряженіямъ старыхъ, или старѣйшихъ городовъ, Ростова и Суздаля; напротивъ здѣсь самъ лѣтописецъ, видимо, сочувствуетъ мужественной рѣшимости Владимирцевъ. Однакожъ, такъ какъ это извѣстіе лѣтописи встрѣчается, какъ мы сказали одинако только въ одномъ мѣстѣ и т. д., то многіе

не придавали и не придаютъ ему того значенія, которое, по нашему, необходимо заключается въ извѣстїи. Г. Сергѣевичъ по свойственной ему сдержанности, такъ же не счелъ извѣстїя исходною точкою для своего Разсужденія и обратился къ подробному изученію частныхъ случаевъ вѣча, въ разныхъ мѣстахъ и подъ разными годами упоминаемыхъ лѣтописцами, какъ бы, для того, чтобы этими частными, отдѣльными извѣстїями доказать и объяснить главное мѣсто о вѣчѣ 1176 г., ставшее у нашего автора теоремою, задачею, выводомъ. Такимъ образомъ, I глава въ книгѣ: *о государственномъ устройствѣ*, доказываетъ болѣе или менѣе, всеобщность и постоянную дѣятельность вѣчъ въ древней Россіи, на всемъ ея пространствѣ и во все время—до XIII, XIV и даже частию до XV вѣковъ; въ II главѣ той же книги излагается устройство вѣча,—въ III, вѣчевой порядокъ и вѣдомство вѣча,—въ IV, отношенія вѣча глав-

ныхъ городовъ къ пригородкамъ, а въ V-й, озаглавленной у автора словами: князь и его отношеніе къ вѣчу, собственно продолжается изложеніе объ отношеніяхъ вообще вѣча къ князю. Послѣ чего изслѣдованіе обращается къ изложенію княжеской власти, въ княжеской Россіи, представляя въ VI главѣ, взаимныя отношенія между князьями, и въ VII, послѣдней, порядокъ распредѣленія между ними волостей, или удѣловъ. Этою главою заканчивается I книга сочиненія, по посвященная изученію государственнаго древняго устройства, или, какъ то называется иноземнымъ словомъ, русской конституціи. Вторая книга сочиненія имѣетъ задачею представить древнее русское управленіе, или администрацію, и состоитъ изъ трехъ главъ, говорящихъ 1, о правительственномъ дѣленіи Россіи 2, объ органахъ управленія, и именно княжескаго, и 3, о войскѣ, и только. Стало быть, вторая книга содержитъ въ себѣ не

все и не вполнѣ, — Въ странѣ, гдѣ государственное устройство такъ рѣзко характеризуется двойственностію государственной власти, управленіе необходимо должно состоять изъ двухъ половинъ, — земской и правительственной, и вопросъ о войскѣ, такъ же точно, какъ вопросы о финансахъ, или казнѣ, — о судѣ, его устройствѣ и отправленіи, объ администраціи, полиціи, — всѣ эти вопросы необходимо будутъ представляться въ исторіи съ двоякимъ характеромъ, какъ дѣйствительно и было въ древней Руси. Но не забудемъ, что сочиненіе Г. Сергѣевича носитъ еще названіе, «очерковъ», само говоритъ о томъ, что это не полный курсъ, не полная исторія устройства и управленія въ древнѣйшей Руси, и что намъ еще предстоитъ пріятная надежда встрѣтить новое сочиненіе Г. Сергѣевича. Понятно, что мы, въ нашемъ отчетѣ, такъ же остановимся преимущественно на I книгѣ автора, говорящей о государственномъ устройствѣ.

1. О политическомъ вѣчѣ, и прежде всего о пространствѣ его дѣйствія и времени существованія и дѣятельности этого вѣча, въ Россіи. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе положеніемъ, которое для насъ, теперь, послѣ всего предъидущаго, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ говоритъ, что «вѣче не создано княземъ, — и составляетъ первоначальную форму быта», или народной русской жизни, подкрѣпляя свое положеніе извѣстіями лѣтописи о народныхъ рѣшеніяхъ, или приговорахъ, состоявшихся «еще до призванія Рюрика». Впрочемъ это положеніе, развивающее извѣстную фразу лѣтописи: *изначала*, или *искони*, не вызвало доселѣ возраженій, даже со стороны М. П. Погодина, который переноситъ вопросъ о вѣчѣ прямо въ политическую жизнь Руси, и спрашиваетъ: *было ли съе необходимою формою правленія, или составнымъ элементомъ правительственнаго строя древней Руси, слѣд., при князьяхъ и при*

ихъ дѣятельности. Такъ какъ всеѣмъ извѣстно, что народная политическая жизнь древней Руси совершалась по областямъ, волостямъ, или *властямъ* лѣтописца, а въ волостяхъ и областяхъ, по городамъ, какъ по старымъ, такъ и по пригородамъ; то автору предлежало рассмотреть явленіе вѣчъ по всеѣмъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, касавшимся областей и городовъ древней Руси. Что и совершаетъ нашъ авторъ съ возможною полнотою и точностію, представляя читателю извѣстія о вѣчахъ на первыхъ 20 слишкомъ страницахъ своего сочиненія, и результаты, извлеченныя изъ извѣстій, касающихся болѣе, чѣмъ 45 городовъ древности. Такое множество лѣтописныхъ извѣстій въ пользу существованія и дѣятельности вѣча въ княжеской Руси, конечно не есть открытіе въ нашихъ источникахъ со стороны Г. Сергѣевича; все читавшіе лѣтописи, все читали эти извѣстія, и знаютъ ихъ и помнятъ, но, очевидно, не придавали имъ того важнаго значенія, которое

совершенно справедливо теперь сообщилъ имъ нашъ авторъ. Дѣло въ томъ, что лѣтопись явно и повсюду на сторонѣ господства личной власти, слѣд. всегда на сторонѣ князя и мало интересуется, сравнительно народнымъ бытомъ и учрежденіями народа, до такой степени, что, какъ мы видѣли, о вѣчѣ болѣе, или менѣе полно говорить и упоминаетъ только въ одномъ мѣстѣ. Въ большей части случаевъ, даже не называетъ вѣча его именемъ, а только намекаетъ на вѣче, рассказывая про его рѣшенія; откуда произошла весьма неясная, по крайней мѣрѣ весьма неточная терминологія лѣтописи тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вѣчахъ. Г. Сергѣевичъ въ своемъ сочиненіи объяснилъ эту терминологию, и теперь, конечно, каждый читающій тамъ повсюду найдетъ указанія на вѣча, гдѣ онѣ находятся, и гдѣ прежде вовсе не предполагалъ ихъ. Терминологія же лѣтописи состоитъ въ томъ, что, за не многими исключеніями, вмѣсто: созвали,

или сотворили вѣче, она ставить частные признаки народнаго собранія на пр. Рязанцы «сдумавше—послали» буюю рѣчь,—«Смолняне не приняли», «изгнали»,—«встань бысть промежи князя и Смольняны»,—«граждане отвориша князю городъ».—«ради быша князю»,—«миръ сотвориша»—«рядъ положиша»—«крестъ цѣловаша» и т. д. Для лѣтописца и для читателей лѣтописи, близкихъ къ событіямъ, было, конечно, все равно, скажетъ ли повѣствователь, что въ извѣстномъ случаѣ было вѣче созвано, или что состоялось въ городѣ, по этому случаю, такое-то рѣшеніе, или наконецъ, что вотъ то-то было сдѣлано и исполнено гражданами: всякій тогда понималъ, что ни это исполненіе, ни это дѣло, ни это рѣшеніе не могло быть, по-мимо вѣча. Г. Сергѣевичъ заставляетъ теперь каждаго читать эти мѣста лѣтописи съ тѣмъ же ихъ пониманіемъ, съ которымъ онѣ писаны и читаны людьми, современными событіямъ. Это также заслуга читателямъ,

но не единственная со стороны автора, который сверхъ того подарилъ при этомъ сжатую въ масштабъ, но подробную, такъ сказать, картину событій, движеній, столкновений и поводовъ, вызывавшихъ вѣча въ княжеской Руси, картину, въ которой ясно чувствуется пульсъ народной жизни, изъ которой отчетливо возстаетъ въ умѣ читателя величавый образъ вѣча и народной самостоятельности, равно какъ сознательно и вполне справедливыми представляются всѣ выводы автора, относительно древняго вѣча, и его воззрѣніе на этотъ органъ древняго правленія. Не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что, какъ говоритъ Г. Сергѣевичъ, «во времена князей Рюриковичей вѣчевая форма быта встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Россіи», — что повсюду «гдѣ были князья, тамъ было вѣче,» — что «Новгородъ не представляетъ, въ томъ отношеніи, исключительнаго явленія», имѣя то «великое преимущество, по которому татарскій

разгромъ его не коснулся, и что по этому въ его стѣнахъ вѣчевая жизнь сохранилась долѣе, чѣмъ въ остальной Россіи» Изъ этой всеобщности вѣчевой жизни, мы должны сдѣлать то заключеніе, что вѣчевая жизнь была необходима, а потому непрерывна и постоянна, во времени, до особаго, сильнѣйшаго къ тому препятствія, т. е. до укорененія монголовъ и ихъ порядковъ, въ Россіи; такъ же точно, какъ авторъ могъ придти къ положенію, на стр. 20, по которому онъ считаетъ «вѣчевой быть явленіемъ необходимымъ» для объясненія его всеобщности. Предоставляемъ читателю самому рѣшить, какую формулу вывода онъ найдетъ болѣе съ дѣломъ сообразною, нашу ли, по которой всеобщность вѣча доказываетъ его необходимость, или формулу Г. Сергѣевича, по которой необходимость вѣча служить основаніемъ его всеобщности въ Руси.

Послѣ этого авторъ переходитъ къ вопросу объ устройствѣ вѣча. Мы за-

мѣтили, что политическія вѣча бывали по областямъ, а въ нихъ по городамъ. По автору, стр. 23, городъ не обнимаетъ собою понятія области, которая напротивъ иногда заключала въ себѣ нѣсколько городовъ. Вѣче было народное собраніе волости, области, или, для разсматриваемаго времени, княжества, но созывалось это собраніе, или имѣло мѣсто, дѣйствовало, обыкновенно, въ главныхъ, т. назыв. старыхъ городахъ области и княжества, хотя не исключительно, потому что и младшіе города, такъ называемые пригороды, составляя центры, для своего населенія, или для своего округа, такъ же точно имѣли свои вѣча, независимыя отъ вѣчъ главнаго города, иногда съ рѣшеніемъ противоположнымъ. Другими словами, вѣче было народнымъ собраніемъ всякой волости, и составлялось, въ его центральномъ мѣстѣ, въ городѣ. Понятно, что на вѣче сходились всѣ жители волости, окружавшей городъ. Того требовало единство народа, или,

какъ выражается нашъ авторъ, «единообразіе массы населенія,» стр. 31, при которомъ не было у насъ сословій, или раздѣленій народа на классы, съ разными политическими правами, или привилегіями, наследственно и непрерывно переходящими отъ одного поколѣнія даннаго сословія къ другому, — не было даже постоянныхъ состояній, т. е. раздѣленій народа на классы, образующіеся посредствомъ разныхъ занятій, каковы промышленники, или купцы, — ремесленники, или мѣщане, — землевладѣльцы и земледѣльцы, и т. д. Напротивъ все было, при единообразіи населенія, личнымъ и всякое право принадлежало лицу; по мѣрѣ его приобрѣтенія, и могло быть только вѣчнымъ, т. е. по вѣкъ владѣющаго и пользующагося правомъ. Такъ какъ все было личнымъ, то даже тѣ различія въ населеніи, о которыхъ повсюду въ лѣтописяхъ встрѣчаются частыя упоминанія, и именно: большіе люди, лучшіе мужи, большіе бояре и огни-

щане, или средніе люди, просто мужи, купцы и вѣщіе купцы, вообще житые люди, а, въ противоположность имъ мелкіе люди и черные, и просто мужики, или уже не мужи, какъ все это раздѣленіе удачно и наглядно представлено у Г. Сергѣевича на 38 стр., не могли имѣть и не имѣли, какъ справедливо доказываетъ авторъ, никакого значенія, для внесенія какой вибুদ্ধ розни въ наши древнія народныя собранія. Собранія народа, или вѣча открыты были для всѣхъ свободныхъ, и были такъ же однородны, по составу, какъ и весь народъ. «Участвіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ понималось, въ древней Россіи, какъ право; и это право принадлежало всѣмъ свободнымъ,» говоритъ авторъ, стр. 41, а потому участвующие на вѣчахъ, продолжаетъ онъ, обозначаются въ источникахъ общимъ терминомъ: людіе, люди, по нашему, обыватели, жители, иногда съ прибавленіемъ, или обозначеніемъ мѣста жительства, напр. Новгородцы, Рязанцы,

Кіевляне, или: люди въ Новгородѣ, въ Рязани, въ Кіевѣ, и т. д. Участвующие въ собраніяхъ вѣча были русскіе люди, жители извѣстныхъ областей, и представляли собою весь народъ, который, имѣя право собраній, естественно и логично сообщалъ это право всѣмъ своимъ членамъ, всѣмъ людямъ, начиная княземъ, несомнѣнно имѣвшимъ право голоса на вѣчѣ, переходя къ пригородамъ, концамъ и улицамъ, и кончая отдѣльными частными лицами, гражданами, такъ что нельзя не согласиться съ авторомъ въ признаніи участія на вѣчахъ за право всѣхъ русскихъ людей, но не за ихъ обязанность; откуда авторъ выводитъ на стр. 51 прежде всего различіе нашихъ народныхъ собраній почти отъ всѣхъ западныхъ, первоначально созываемыхъ королями, составляемыхъ изъ представителей, и обращаемыхъ въ повинность и въ орудіе для правительственныхъ цѣлей. Отсюда же далѣе выводитъ авторъ и всѣ особенности нашихъ древнихъ на-

родныхъ собраній, или вѣчь въ III-й, чрезвычайно любопытной, весьма основательной и особенно много содержащей главѣ своего сочиненія, гдѣ доказывалось, что у насъ вѣче было правомъ населенія собираться и толковать, при непосредственномъ участіи, о своихъ общественныхъ дѣлахъ, — что рѣшенія на вѣчахъ составлялись только на основаніи соглашенія всѣхъ, на началѣ единогласія, съ тѣмъ, чтобы дать вѣсь, по возможности, всякому мнѣнію и голосу всякаго изъ членовъ, за исключеніемъ мнѣнія и голоса, столько личнаго и противнаго общему интересу, что это мнѣніе и этотъ голосъ исчезаютъ въ массѣ собранія, — что слѣдовательно рѣшенія условливались не большинствомъ простымъ, или абсолютнымъ, да и не относительнымъ опреѣляемымъ цифрами, $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$ и т. д. а возможнымъ для людей и общества единогласіемъ, или очевиднымъ, несомнѣннымъ большинствомъ, какъ бы, — «съ одного», т. е., какъ одинъ, или

единими устами.» Всѣ эти положенія, составляютъ у автора необходимый выводъ изъ представляемыхъ имъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, такъ же точно, какъ положенія о времени собранія вѣча и мѣстѣ, о порядкѣ собранія и способѣ, о продолжительности и формѣ совѣщаній, наконецъ о предметахъ вѣдомства,—одномъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, предложенныхъ въ сочиненіи Г. Сергѣевича и разрѣшенныхъ, кажется, окончательно основательно. Ср. стр. 66 и слѣд.—«Возникши до призванія князей, вѣче, какъ основная норма быта, вѣдаетъ все», и только, по призваніи, «передаются князю управленіе и судъ,» да и то не исключительно, какъ то видно изъ приведенныхъ авторомъ документовъ, настр. 82—85. Правильные, бесспорные, постоянные предметы вѣдомства для вѣча, въ княжескій періодъ, были: 1, *призваніе князя*, или вообще установленіе своихъ къ нему отношеній потому что призваніе совершалось не

на опредѣленное время, а «пока соблюдаются условія,» или «пока господствуетъ единеніе между народомъ и княземъ,» стр. 75.—2, *Законодательная дѣятельность*, выказывающаяся преимущественно въ «рядѣ,» или въ томъ договорѣ народа съ княземъ, который долженъ былъ опредѣлить государственную дѣятельность князя въ области, или государственное устройство области.

3, *Рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ*, даже въ періодъ княжеской Руси, когда «народъ самъ объявляетъ войну, или заключаетъ миръ, требуя того же отъ своего князя,» когда «князь, желавшій вести войну силами всей волости, долженъ былъ получить на то согласіе вѣча.» Все это подтверждено свидѣтельствами лѣтописцевъ, равно какъ и то, что «народъ нерѣдко даже участвуетъ въ распоряженіяхъ ходомъ военныхъ дѣйствій, опредѣляетъ мѣсто битвы, моментъ нападенія и под.» Стр. 82.

Послѣ сказаннаго Г. Сергѣевичемъ о вѣдомствѣ вѣча, можетъ быть, чи-

татель усумнится въ правильности его вывода, относительно управленія и суда, которые на стр. 82 безусловно приписываются князю: «управленіе и судъ не принадлежали вѣчу.» Сомнѣніе тѣмъ болѣе здѣсь уместно, что на слѣдующихъ стр. того же сочиненія, приводятся нашимъ добросовѣстнымъ изыскателемъ какъ случаи, въ которыхъ народъ, или самъ судъ творить, или въ судъ князя вмѣшивается, такъ равно извѣстный всѣмъ фактъ, что Новгородцы, по мимо князя, назначали у себя особые органы управленія, посадниковъ, тысяцкихъ, тиуновъ,—общезвѣстный фактъ, объяснимый только при допущеніи положенія, что это назначеніе было нѣкогда общимъ правомъ всѣхъ волостей, и только сохранилось долѣе въ Новгородѣ, по особымъ его счастливымъ обстоятельствамъ. Объясненіе, которое авторъ дастъ этому явленію новгородскаго вѣча, на стр. 82, называя его «особенностію новгородской волости» находит-

ся въ прямомъ противорѣчїи съ высказаннымъ у автора началомъ, еще на 2-й стр., гдѣ все различіе новгородской области отъ остальныхъ названо чисто «количественнымъ», а не «качественнымъ», и гдѣ это различіе объясняется въ пользу Новгорода только тѣмъ, что «татарскій разгромъ вовсе его не коснулся».

Переходимъ къ главамъ IV и V, говорящимъ объ отношеніяхъ главнаго вѣча волости къ вѣчамъ ея пригородовъ, равно какъ объ отношеніяхъ вѣча къ князю. Изъ предшествовавшаго изложенія того, что содержится въ книгѣ Г. Сергѣевича, читатель несомнѣнно вынесъ то убѣжденіе, что наше древнее вѣче, какъ политическое народное собраніе или собраніе народа, какъ политической цѣлости, было все и всѣмъ, а потому, при правильномъ составѣ, необходимо сочленялось, или соединялось изъ извѣстныхъ элементовъ, изъ собственно народнаго собранія, — изъ князя, — и изъ составныхъ частей на-

селенія области, изъ пригородовъ, или меньшихъ городовъ, изъ концовъ, улицъ и отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Съ своей стороны, мы даже позволили себѣ намекнуть на это, при изложеніи вопроса о составѣ вѣча и о томъ, что вѣче было у насъ правомъ а не обязанностію. Допустивши такое воззрѣніе на вѣче, мы уже напередъ знаемъ, каковы должны быть отношенія главнаго вѣча къ пригороднымъ, равно какъ отношенія вѣча къ князю. Какъ пригородныя вѣча, такъ и князья представляются, въ этомъ случаѣ, участниками вѣча, живыми его членами, присутствующими на собраніи, для рѣшенія общаго для всѣхъ дѣла. Примыкая къ большинству, или къ единогласному рѣшенію, князь и пригороды составляютъ положеніе вѣча или приговоръ на равнѣ съ народнымъ главнымъ составомъ; оставаясь въ ничтожномъ меньшинствѣ, обязаны подчиниться рѣшенію такого большинства, которое должно признать за выраженіе единодушія; а, сохраняя силу и могу-

щество, равныя съ силою и могуществомъ остальной части собранія, пригороды и князь сохраняютъ и право спорить, не соглашаться, бороться до одолѣнія противника, или до подчиненія себя его распоряженію. Эта существенная, необходимая истина доказывается у автора документами и свидѣтельствами, уничтожающими возможность сомнѣнія въ истинѣ, впрочемъ весьма очевидной, такъ что мы можемъ предоставить читателю обратиться къ самому сочиненію Г. Сергѣевича, для подробнаго изученія вѣсѣловъ, разсматриваемыхъ въ его IV и V главахъ на стр. 86—121.

2, О князѣ. Какъ пригородъ имѣетъ свою особую жизнь и даже свое особое вѣче, такъ и князь не есть только членъ областного вѣча, но въ тоже время самостоятельный элементъ государства, представитель, воплощающій собою верховную власть, особенно въ управленіи и въ судѣ. Сверхъ того, какъ говоритъ нашъ авторъ, на стр.

115, «князь не стоитъ изолированно среди другихъ князей; онъ находится къ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ,» а потому требуетъ особаго разсмотрѣнія. Впрочемъ, прибавляетъ къ этому авторъ, «взаимныя отношенія князей не составляютъ непремѣнно взаимныхъ отношеній между волостями,» а мы говоримъ, что собственно, за исключеніемъ извѣстныхъ внутреннихъ отношеній,—въ волости, напр. старыхъ городовъ къ меньшимъ, да отношеній волости къ волости, по поводу княжескихъ неурядицъ, наша древняя русская жизнь подчиняется общему закону жизни одного народа, гдѣ господствуютъ и миръ и тишина. Это замѣчательный фактъ, въ нашей исторіи, объясняющій собою другое весьма любопытное явленіе древней русской жизни, по которому, при постоянныхъ смутахъ и войнахъ между князьями, волости Руси и самъ русской народъ богатѣли, и развивались, а не упадали до разоренія. Авторъ, на стр.

121, представляет даже случаи, гдѣ волости принимаютъ мѣры къ ограниченію княжескихъ усобицъ.

Отсюда возникаютъ два вопроса, касающіеся собственно князя,—о власти князя вообще, и объ отношеніяхъ, возникавшихъ въ древней Руси между разными князьями. — И, во первыхъ въ чемъ состояла власть князя, въ древней Руси, и какія были, преимущества и права князя, разсматриваемаго отдѣльно, внѣ и помимо вѣча? На этотъ вопросъ, или на эту тѣму, въ видѣ отвѣта на вопросъ, у насъ написано очень много, потому что въ самыхъ лѣтописяхъ, или источникахъ объ этомъ преимущественно повѣствуется, и, понятно, что всѣ сочиненія историческія, юридическія, политическія, или относящіяся къ древнему государственному праву, полны извѣстій и положеній о значеніи, или правахъ князей, въ древней Руси—положеній, теперь вполне усвоенныхъ почти всѣми, и перешедшихъ въ учебники, для назиданія

будущихъ поколѣній. Г. Сергѣевичъ такъ же посвятилъ большую часть своей I-книги и всю свою II-ю книгу именно изложенію этого дѣла, болѣе, или менѣе подѣ влияніемъ существующихъ воззрѣній. Понятно, это законно со стороны писателей, проглядѣвшихъ значеніе вѣча, или оставившихъ его. Но мы не можемъ не сдѣлать здѣсь отъ себя одного частнаго замѣчанія. Во многихъ мѣстахъ своей книги, авторъ называетъ это начало свободы и независимости, или равенства, принципомъ личности, и совершенно вѣрно, только двусмысленно. Подѣ словомъ личности многіе понимаютъ индивидуальность, отдѣльность, особность, изъ которыхъ вытекаетъ произволъ, насиліе, беззурядица. При дѣйствіи, въ древней Руси, вѣча, собраній народа, сходовъ населенія, съѣздовъ и думъ князей, немыслимо господство индивидуальности и особности, хотя, при такихъ явленіяхъ общественности, не отрицаема, не сомнѣнна свобода всѣхъ

безъ изслѣдованія, безъ вниманія; но въ сочиненіи, которое лежитъ передъ нами теперь, — въ сочиненіи, которое начинается съ вѣча, съ народа, и идетъ въ построеніи русскаго государства, снизу вверхъ, отъ основанія къ верхушкѣ, читатель, волею самаго автора, и движеніемъ историческихъ событій, рассказанныхъ въ сочиненіи: Вѣче и Князь невольно, приходитъ къ другой постановкѣ вопроса и къ инымъ новымъ рѣшеніямъ. И дѣйствительно, на основаніи предшедшаго изложенія, вопросъ выше предложенный, должно округлить, опредѣлить, выразить точнѣе, предложить его въ слѣдующей формулѣ: какія права и какая власть принадлежала въ Россіи разсматриваемаго времени, князю и князьямъ, внѣ вѣча, безъ вѣча, помимо вѣча, или въ противность вѣча? Мы знаемъ, что вѣче было все, въ Руси, даже безъ князя, безъ князей, которыхъ оно же призываетъ и приглашаетъ, или не признаетъ и изгоняетъ, или оставляетъ

въ волости, на основаніи договора и ряда. Чтоже былъ князь, безъ воли вѣча и безъ его содѣйствія? Менѣе, чѣмъ безземельный государь — онъ подлежалъ даже изгнанію; только, принадлежа къ вызванному въ Русь волею народа, владѣтельному дому, онъ имѣлъ право искать престола, пріобрѣтать себѣ для того сторонниковъ, составлять въ свою пользу партіи, набирать и содержать дружину, и даже силою водвориться, какъ правитель и князь, въ области, которой вѣче не расположено къ его лицу и особѣ. Объ этомъ написаны цѣлыя страницы у нашего автора, на основаніи самыхъ положительныхъ свидѣтельствъ, со стороны лѣтописей и другихъ источниковъ. Съ своей стороны, мы только присоединимъ къ этому замѣчаніе, относительно разныхъ возрѣній на столкновенія между вѣчемъ и княземъ, доходившія до борьбы и до порѣшенія дѣла силою. Иные возводятъ силу, которая при этомъ обнаруживается, также

въ право, говоря, что такая - то во-
 лость прогнала своего князя, и на его
 мѣсто, посадила другаго, совершивъ
 такой переворотъ силою, не по праву,
 или, что такой-то князь, противъ же-
 ланія населенія, возсѣлъ на престолъ,
 одолѣвъ волю своимъ войскомъ, слѣ-
 довательно, силою; и потому, кромѣ
 права, основою для княжеской, или
 народной воли и власти, еще прини-
 мають силу и утверждаютъ, что, въ
 концѣ концовъ, во всемъ государ-
 ственномъ правѣ, сила необходима
 даже для права, служа собственно
 основою права. Права князя и вѣча
 зависятъ отъ ихъ силы, права тѣхъ
 другихъ сословій обусловливаются
 силой, въ государствѣ, и т. д. Не забы-
 ваютъ при этомъ, что здѣсь, во вся-
 комъ случаѣ, сила требуется только
 для права, и только сила у имѣющаго
 право творить для него право, или
 превращается въ его право. Можно
 представить, что наяр. А и Б, Аскольдъ
 и Диръ, не княжескаго рода въ Руси

имѣли бы силу, для одолѣнія и присвоенія извѣстной волости, былъ ли бы успѣхъ, или результатъ ихъ силы названъ правомъ, въ древней Россіи, какъ напр., въ современномъ быту, успѣхъ какойнибудь шайки, въ одолѣніи деревни и села, или скопа и заговора, при одолѣніи заводчиковъ фабрикантовъ, или соглашеніе дѣтей относительно власти родительской, и т.п.? Конечно, нѣтъ; сила не созидаетъ права, но право дѣйствительно требуетъ силы, для своего дѣйствія, оставаясь, безъ силы, однимъ протестомъ, до времени, бесплоднымъ. Итакъ князь и вѣче боролись и воевали, какъ составные равные элементы государственнаго русскаго устройства, за право, за свои права. Въ этой борьбѣ, право князя состояло, какъ мы сказали, въ томъ, что, принадлежа къ владѣтельному въ Руси дому, онъ долженъ былъ получить столъ и власть въ какойнибудь русской области; а право вѣча при этомъ состояло, конечно, въ томъ, что бы,

признавая вообще притязаніе князя на столъ и власть князя, въ Руси, принять или не принять именно этого князя въ правители именно извѣстной области. Вотъ единственный моментъ, когда можно разсматривать князя отдѣльно, независимо отъ вѣча, и когда можно говорить о правахъ князя, помимо вѣча. Принятый въ область съ княжескою властію, князь уже не существуетъ изолированно, и права его и власть его тутъ опредѣляются и устанавливаются рядомъ, или договоромъ. Нарушающій условія князь не получитъ содѣйствія отъ вѣча, или отъ населенія, — будетъ побѣжденъ врагомъ, или изгнанъ народомъ; напротивъ князь, пользующійся довѣріемъ населенія будетъ пользоваться возможною полнотою правъ, княжескихъ, или правительственныхъ. При подобныхъ князьяхъ, въ области или рѣдко, да и то, по волѣ князя, или во все не бываютъ нужны, а потому и не встрѣчаются народныя, политическія вѣча. Всѣ эти положенія

болѣе или менѣе составляютъ воспроизведеніе доказанныхъ, по источникамъ, положеній автора.

Изъ втораго вопроса книги, говорящаго объ отношеніяхъ между князьями, остановимся на томъ, что относится до княжескихъ съѣздовъ, или думъ.

Не слѣдуемъ за авторомъ въ его изложеніи княжескихъ отношеній, какъ по обширности вопроса, такъ и по его относительной общеизвѣстности, отдавая впрочемъ здѣсь должную справедливость самостоятельности и основательности многихъ новыхъ возрѣній на дѣло. Сверхъ того мы не можемъ обойти молчаніемъ то руководящее начало которое Г. Сергѣевичъ положилъ въ основу этихъ княжескихъ отношеній, именно начало свободы и независимости каждаго отдѣльнаго князя, помимо родства, свойства, старѣйшинства, титуловъ великаго и т. п. Совершенно тоже начало, по автору, господствовало въ отношеніяхъ между князьями, какое начало опредѣляло сношенія меж-

ду отдѣльными областями, въ Руси, и между отдѣльными элементами государственнаго устройства, въ каждой области,—между вѣчемъ и княземъ,—между вѣчемъ главнаго города и вѣчами пригородовъ,—равно какъ между всѣми членами одного вѣча. И нельзя не согласиться въ этомъ съ авторомъ, читая при каждомъ изъ такихъ его положеній множество лѣтописныхъ, документальныхъ свидѣтельствъ, тѣмъ болѣе, что положенія автора вполне согласуются со всѣмъ, что намъ извѣстно о составѣ и характерѣ русскаго народа и его народныхъ учрежденій. Но мы не можемъ не сдѣлать здѣсь отъ себя одного частнаго замѣчанія. Во многихъ мѣстахъ своей книги, авторъ называетъ это начало свободы и независимости. или равенства, принципомъ личности, и совершенно вѣрно, только двусмысленно. Подъ словомъ личности многіе понимаютъ индивидуальность, отдѣльность, особность, изъ которыхъ вытекаетъ произволъ, наси-

ліе, безъурядица. При дѣйствіи, въ древней Руси, вѣча, собраній народа, сходовъ населенія, съ ѣздовъ и думъ князей, не мыслимо господство индивидуальности и особы, хотя, при такихъ явленіяхъ общественности, не отрицаема, не сомнѣнна свобода всѣхъ элементовъ общества, и независимость даже лицъ отдѣльныхъ, которыя, по принципу единогласія, подчиняются только рѣшенію вѣча и съѣзда, вообще общества, состоявшемуся при ихъ участіи. И такъ, во избѣжаніе двусмысленности, начало, господствовавшее въ жизни и въ правѣ древней Руси называть началомъ свободы или независимости, а не личности, понимаемой, какъ индивидуальность, тѣмъ болѣе, что и на самомъ дѣлѣ, въ Руси, общественность, общество болѣе явно играютъ роль, чѣмъ индивидуальность и въ этомъ смыслѣ личность. Наконецъ не можемъ мы также воздержаться отъ вывода, который постоянно вертится въ умѣ читателя, при обдумы-

ваніи положеній нашего автора, и который, кажется, особенно умістно сдѣланъ здѣсь, гдѣ говорится спеціально о принципѣ свободы,—вывода, состоящаго въ томъ, что, господство индивидуальности и личности, въ этомъ смыслѣ всегда и повсюду ведетъ къ произволу, непрерывной, или истребительной борьбѣ, наконецъ къ анархіи; то господство общественности, общественнаго, народнаго быта и свободы, въ этомъ значеніи и въ этой формѣ, способно устроить порядокъ, нарядъ государственный и гармонію, съ сохраненіемъ независимости. Тутъ свобода сама устрояетъ порядокъ.

Переходя къ княжескимъ съѣздамъ на основаніи сказаннаго авторомъ стр. 130 и слѣд., мы прежде всего отмѣтимъ, что лѣтописи, или народъ того древняго времени, называли эти съѣзды «княжескими думами» такъ же точно, какъ вѣча—«думами» народа. Понятно, что принципы княжескихъ думъ не могли розниться отъ принци-

повъ думъ народныхъ и состояли въ свободѣ, независимости, или равенствѣ всѣхъ и каждаго князя, являвшагося на съѣздъ, аки на думу. Изъ всего, что знаемъ объ этихъ съѣздахъ, видно, что тутъ обсуждались и рѣшались общія дѣла, касавшіяся «русской земли.» «Вложи Богъ въ сердце Мстиславу Изяславичу, говоритъ приводимое авторомъ мѣсто изъ Кіевской лѣтоп., — вложи Богъ мысль благоу о русской землѣ, занеже ей хотяше добра всѣмъ сердцемъ, — созва братью свою и нача думати съ ними, река имъ тако: братья пожальтесь о русской землѣ.» И т. д. — Дѣла, касавшіяся «русской земли», конечно, не были дѣла того, или другого князя, той, или другой волости, а дѣла общія всей Руси, — войны и миры, или перемирія съ сосѣдями, Половцами, Татарами, и т. д., равно какъ усмиреніе, примиреніе, соглашеніе розни и войнъ между самими князьями, внутри Руси. Не были ль тутъ, на этихъ исключительно княжескихъ ду-

махъ, на своихъ съѣздахъ, русскіе князья свободными отъ вліянія вѣча, независимыми отъ воли народа рѣшителями судебъ и русской земли и русскаго народа? Съѣзды князей не имѣли, повидимому, никакой связи съ народнымъ вѣчемъ, и, въ противоположность княжескимъ думамъ, народъ не имѣлъ своей соотвѣтственной думы, всенароднаго вѣча. Правда; но въ этомъ не было нималѣйшей нужды. «Благія мысли» о «русской землѣ», ея князей о защитѣ и охранѣ противъ враговъ внѣшнихъ, или внутреннихъ, противъ смутъ, размиръя и междоусобицъ, естественно, совпадали съ такими же мыслями народа. Что касается до себялюбивыхъ плановъ, которые могли родиться въ головахъ юныхъ князей, то эти планы не могли быть приведены въ исполненіе, по—мимо мѣстныхъ областныхъ народныхъ собраній, или вѣчъ. Наконецъ, думаю, что, если всякій князь на общемъ княжескомъ съѣздѣ, сохранялъ свою независимость

и свободу, то не иначе, какъ опираясь на извѣстное ему сочувствіе вѣча къ его убѣжденію, или къ его мысли. Другими словами, между княжескимъ съѣздомъ и областными вѣчами, или русскимъ народомъ, должно предполагать также единодушіе и единомысліе, иначе съѣздъ не будетъ имѣть никакого результата. Княжескій съѣздъ, или «княжеская дума» должны были воплощать всенародную русскую думу. И потому, естественно, признавать въ этихъ съѣздахъ одно изъ государственныхъ учрежденій Руси, и именно искать въ нихъ высшей инстанціи, для порѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ тогдашняго государственнаго права.

Для полноты обозрѣнія, намъ слѣдовало бы теперь перейти ко II книгѣ сочиненія, — къ управленію, которое излагается у автора, въ видѣ очерка на стр. 331 и слѣд., причемъ въ I гл. этой книги изображается правительственное раздѣленіе древней Россіи, — во II объясняются органы управленія

личнаго—княжескаго, и при посредствѣ разныхъ чиновъ,—а въ III-й излагается военное устройство того времени. Но, какъ мы еще прежде замѣтили, насъ занимаетъ здѣсь преимущественно вопросъ о государственномъ древнемъ устройствѣ княжеской Руси, тѣмъ болѣе, что уясненіе этого устройства одно можетъ уяснить наши воззрѣнія на древнее государственное управленіе, въ Россіи. По этому здѣсь можемъ мы закрыть книгу Г. Сергѣевича, и обратившись умственно къ тому, чему научились изъ нея, представить свои общіе выводы, или результаты. Впрочемъ заключеніе тутъ не можетъ не указать на нѣкоторые частные, или отдѣльные вопросы, которые характеризуютъ сочиненіе нашего автора. Къ такимъ вопросамъ, порѣшеннымъ въ книгѣ весьма основательно, принадлежатъ: 1, вопросъ о свободѣ, какъ принципѣ, господствовавшемъ въ быту древнемъ; 2, о принципѣ единогласія, или единочествѣ,

собственно вытекающемъ изъ перваго; 3, о вліяніи могущественнаго земства, какъ на отдѣльнаго князя, въ области, такъ на княжескіе сѣзды и на различные княжескіе договоры, какъ скоро они касались земли, а не личныхъ отношеній князя и князей;—4, о княжескихъ отношеніяхъ, которымъ съ недавняго времени стали придавать столько значенія въ древнемъ государственномъ правѣ Россіи,—объ отношеніяхъ, по нашему автору, слѣдующихъ исключительно принципу личности, или свободы и равенства, помимо родства, старѣйшинства и т. д.,—5, о сословіяхъ, которыя нѣкоторыми нашими писателями, по примѣру западныхъ, были находимы въ древней Руси, и которыя, по основательнымъ изысканіямъ Г. Сергѣевича, начинаютъ появляться у насъ развѣ уже съ царскаго періода, и 6, о несуществованіи въ русской исторіи самой тѣни родоваго быта для народа, и родовыхъ отношеній, для князей.—Но пора зак-

рыть книгу и обратиться къ выводамъ. И именно къ вопросу о томъ, какой видъ представляетъ нашему уму и воображенію древнее русское государство, по очеркамъ, по чертамъ, или по указаніямъ автора? Встрѣчая у него повсюду выраженія, указанія и доказательства на то, что древняя Россія состоитъ изъ независимыхъ областей;—свободныхъ князей, — ни чѣмъ нестѣсняемыхъ вѣчъ, или народныхъ собраній, и княжескихъ съѣздовъ, или княжескихъ думъ, должно непременно придти къ заключенію, что эта древняя Русь представляла изъ себя, во внѣшнемъ, или общемъ видѣ, — для глазъ посторонняго наблюдателя, и для послѣдующаго своего историка, — соединеніе государствъ, систему независимыхъ государствъ, что-то похожее на связь государствъ, извѣстную, въ нѣмецкой теоріи, подъ именемъ союза государствъ и союзнаго государства, *Bundesstaat* и *Staatenbund*. Но какое же изъ этихъ двухъ соединеній? По

миѢ, кажется, ни то, ни другое; и русская исторія, какъ бы, вынуждаетъ теорію расширится и дать особое мѣсто своему государству, состоящему по внѣшнимъ явленіямъ, изъ разныхъ самостоятельныхъ областей, удѣловъ, княжествъ, а внутри въ основѣ, въ народѣ и землѣ русской, постоянно остающемуся цѣлостнымъ организмомъ, единымъ, неразрывнымъ, сплоченнымъ твердо и на всѣ вѣки. Видимо отторгаются части этого живаго организма одна отъ другой, дѣйствіемъ внѣшней силы, или внутренняго ослабленія, но только временно и случайно, тогда какъ онѣ вѣчно сохраняютъ взаимное притяженіе, и при первой возможности, опять сливаются въ единство русской земли, русскаго народа, русскаго государства. — Разсматриваемое извнутри себя, древнее наше государство есть русская земля, на всемъ своемъ пространствѣ, подчиненная водительство князей на ихъ думѣ, но не безъ участія вѣчь, по областямъ, въ которыхъ дол-

жна господствовать гармонія между вѣчемъ и княземъ, между областію и правителемъ, между народомъ и верховною властію. Что же это такое по ученію теоріи государственнаго права? Конечно не теократія, не патріархальное, или патримоніальное государство, да и не республика; это — монархія, но какая? Абсолютная, или ограниченная? Очевидно ни та, ни другая. Что эта монархія не имѣетъ ничего общаго съ абсолютизмомъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, послѣ всего сказаннаго здѣсь нами, или для читавшихъ «Вѣче и Князь» Г. Сергѣевича; а что древняя русская монархія не совпадаетъ съ понятіемъ объ ограниченныхъ монархіяхъ, гдѣ требуются разныя формы и акты, это ясно открывается изъ отсутствія всѣхъ возможныхъ указаній на такія формальныя ограниченія. Мы знаемъ теперь, что въ древнемъ русскомъ государственномъ правѣ, не было мѣста ни произволу, ни деспотизму, по непосредствен-

ному участию народа въ управленіи, въ формѣ всемогущаго и всепримиряющаго вѣща. На чемъ основывалась эта древняя, самобытная русская монархія? На сословіяхъ? Нѣтъ; сословій не было у насъ, и потому русское государство не имѣло ни аристократическаго, или феодальнаго, ни демократическаго, или соціальнаго характера. Можетъ быть, русское государство искало своей опоры въ состояніяхъ, напр. въ городахъ, или изъ житыхъ, лучшихъ людяхъ, или въ капиталистахъ, богачахъ или хотъ въ среднемъ классѣ? Нѣтъ и нѣтъ. Древнее Русское государство было государство земское, гдѣ государь и народъ, въ его нераздѣльности,—правительство и земщина, въ ея единствѣ,—всегда стоятъ вмѣстѣ и рядомъ, постоянно воздѣйствуютъ между собою, взаимно себя поддерживаютъ, и рука-объ-руку идутъ къ общенародной пользѣ. Такимъ образомъ Г. Сергѣевичъ показалъ, что исторія русскаго государства представляетъ для обога-

ценны науки о государственномъ правѣ, новый фактъ, новое явленіе, новую форму государственнаго быта, заслуживающую самостоятельнаго изученія, а чрезъ то обобщающую новое приращеніе для самой теоріи.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ приговора специалистовъ по части государственнаго права, относительно такого почтеннаго труда, какъ сочиненіе Г. Сергѣевича: «Вѣче и Князь». Не думаемъ, чтобы они позволили себѣ пропустить сочиненіе безъ разбора, и надѣемся, что наше время не дозволитъ имъ осудить его пристрастно.

В. Леиновъ.

Москва,

1868, Января 20.

Дозволено цензурой. Москва 1 Февраля 1869 г.

Типограф. М. Ц. Погодина, на Дѣвичьемъ полѣ